

ИСТОРИЯ МОЕЙ МАМЫ

автор

Накануне войны маме приснился сон:
тяжёлые чугунные утюги стоят рядами
и стреляют, стреляют. Я часто просила
маму рассказать о войне, а однажды
мы записали мамины воспоминания:

«В 1940 году я окончила зубоврачебную школу города Ярославля и, проработав чуть больше года в костромском селе Матвеево, в феврале 1941-го написала письмо министру Вооружённых сил о желании быть зачисленной в кадры РККА по специальности. Ответ пришёл положительный.

В конце февраля я получила направление в Белорусский особый военный округ. Также поступила моя однокурсница Зоя Максимовна Быкова из Грязовца, которую, по недоразумению, направили в мою воинскую часть, а меня – в её.

В начале марта меня откомандировали в город Брест. Стояла тёплая солнечная погода. Через реку Муховец перекинулся высокий мост. Я шла к военкомату в новенькой военной форме. Мальчик на углу дома чистил сапоги. Работая щёткой, он сказал мне, улыбаясь: «Настоящий артиллерист, только «шпалы» прицепить!».

Оказалось – моя воинская часть расположена в местечке Желудок Барановичской области. Жила я там в гостинице. Позднее ездила в Брест за вещами.

105-й авиабазой командовал подполковник А.П. Кузьмин, а командиром полка был майор А.А. Скворцов (как потом выяснилось из разговора – мой земляк!).

В мае 1941 года передислоцировались в лагеря, в местечко Лунно Белостоцкой области. Часть располагалась

Недавно окончившие Ярославскую зубоврачебную школу молодые зубные врачи, работающие в сельских больницах, прибыли в Ярославль для обмена опытом и повышения квалификации. На снимке: преподаватель школы тов. Е. Файнберг беседует со своими бывшими ученицами. Слева направо: Л. Огородникова, Т. Галочкина, О. Шухова, Е. Файнберг, М. Крупеникова, А. Смирнова, В. Коптева.
Фото П. Цветкова.

на берегу реки Неман. Река широкая, вокруг всё цветло, дни стояли чудесные.

К тому времени участились военные тревоги. Немецкие войска были сосредоточены у нашей границы. О войне поговаривали, но всё произошло внезапно...».

Вот как пишет в газете «Северный край» от 23.05.1976 в статье «Генерал в небе и среди плотников генерал» Виктор Храпченков об Арсении Александровиче Скворцове: «Полк

стоял на границе, нападения ждали. 21 июня рассредоточили самолёты. Утром над аэродромом повисла чёрная туча – шесть девяток «мессершмиттов». Разве успеть подняться тяжёлым бомбардировщиками! Но лётчики приняли бой. Бой, не описанный ни в одном учебнике военного искусства: с земли, из турельных пулемётов бомбардировщики били по воздушным пиратам».

Мама написала генералу письмо, в котором вспоминала утро 1941 года,

Снимок из газеты «Северный край» от 6.03.1941. Недавно окончившие Ярославскую зубоврачебную школу молодые зубные врачи, работающие в сельских больницах, прибыли в Ярославль для обмена опытом и повышения квалификации. На снимке преподаватель школы тов. Файнберг беседует со своими бывшими ученицами. Слева направо: Л. Огородникова, Т. Галочкина, О. Шухова, Е. Файнберг, М. Крупеникова, А. Смирнова, В. Коптева.
Фото П. Цветкова.

Мама с сотрудниками.
Город Зорау, Германия.
Эвакогоспиталь
№ 3013. Лето, 1945 г.

Майор м/сл. К.Е. Мармур,
начальник эвакогоспиталя
№ 3013.

Католический крест,
с которым мама
выходила
из окружения.

спрашивала, не он ли был в то время командиром полка.

Ответ от 18.09.1976 года: «Да, всё так и было. Я был командиром 16 полка – майор Скворцов. Первое боевое крещение принимали рано утром 22 июня 1941 года. А когда по радио объявили о начале войны, о вероломном нападении фашистской Германии, мы, уже похоронив 15 убитых товарищей, отходили пешком, кто в чём был, потеряв все боевые самолёты полка, но сохранив лётные кадры. Это было в 12 часов дня».

Далее мама вспоминала: «Началось долгое отступление. Я отстала от своей части. Работала в медсанбате. По дорогам шли беженцы. Немецкие самолёты часто бомбили. Было много раненых.

В октябре в брянском лесу немцы окружили наши госпитали. Была страшная стрельба, казалось – искры сыплются из глаз. Я выпрыгнула из машины. Бежали куда глаза глядят. Попала в болото. Затянуло уже по

В одной деревне под Москвой прямо под окнами стояло много свежих деревянных крестов на могилах. Всё была территория, оккупированная захватчиками. Расспрашивала у местных, есть ли немцы, какие дальние деревни. Шла через Верю, Можайск, Волоколамск, Клин.

В декабре 1941 года вышла к нам в город Дмитров. Вызвали меня в военкомат: «Где родилась? Где училась?». Проверяли. Узнав, кем работала, проверяющий засмеялся. Худая, в оборванной одежде, не была я похожа на зубного врача.

Домой ехала через Москву. Столица была пуста, неприветлива. Было голодно. В поезде заняла верхнюю полку. Внизу сидели лётчики, смотрели неприязненно. Узнав, откуда я, начали расспрашивать. В Ярославль зашла к сестре Вере в паспортный отдел Красноперекопского района. Узнала от неё, что ушли на фронт старшие братья Павел, Анатолий, Костя. Воюет муж сестры Вали – Григорий. Ушли на фронт многие одноклассники и односельчане.

Затем поехала в Ильинское к бабушке и маме. Бабушка Анна удивилась: «Чьи это сапоги стучат в сенях?». После возвращения в Ярославль была направлена в город Горький для проверки (все были из окружения). Писали в архиве, разгребали снег.

В марте 1942 года направили в Рязань в эвакогоспиталь № 3450, впоследствии – № 3013. Начальником госпиталя был майор Мармур Константин Евгеньевич. К тому времени фашисты теснили всё дальше от Москвы. Часто вместо деревень стояли одни печки».

Рязанский госпиталь № 3013 шёл за линией фронта, повторяя все ма-

невры. В 1943 году началась битва на Курской дуге. С этой поры усилились бомбёжки. Во время обстрела персонал, не находящийся на дежурстве и расквартированный у жителей населённого пункта, был обязан явиться в госпиталь. Обстрелы были по несколько раз за ночь. В одном населённом пункте мама поселилась в доме у моста через реку. Однажды ночью мама проснулась от своего крика: перед лицом колыхалось огненное облако. Рядом стояла хозяйка дома с кружкой воды.

«В 1944 году работали в городе Проскурове (ныне – Хмельницкий). Рядом располагались чехословацкие и английские войска. С Украины передислоцировались в польский город Жешув, затем – Тарнобжек. В Германии вошли в город Намслай, затем – Зорая. В Зорая жила в двухэтажном доме. Немка-хозяйка шила

uniformu для русских офицеров. Эта территория отошла Польше. Немцам было приказано в 24 часа покинуть дома. Люди уходили западнее, несли узлы с вещами, вели за руки детей, катили на тележках стариков. Оставляя дома, немцы часто минировали дорогие вещи. Были случаи – наши подрывались. К столовой часто подходила кудрявая девочка лет пяти: «Пожалуйста, клеба».

Фото сделано в 1947 году (на задней стороне фотографии подписано, в центре майор медицинской службы Солдатов, начальник госпиталя).
Фотография предоставлена учителем А.А. Морозовым.

1947 год. Мама за работой.

Моя память
дорогой мамаше
от горючей Тубаки.
Во времена работы в
специализированной
ст. Чебаково.
сентябрь и-у 1947г.
М. Морозов.

Нам предложили посетить Чехословакию, Венгрию или Берлин. Наши сотрудники выбрали Берлин... Рейхстаг разрушен, надписи на стенах. Справа – Бранденбургские ворота. По улицам ходили английские и американские патрули. Зашли на базар. У пожилого немца в коричневом пальто и шляпе я купила часы. В ресторане сидели вместе с американцами. Играли духовой оркестр. Доктор Осипов вышел плясать. Американцы кричали: «Бис!». На улице к машине подошёл русский эмигрант, попросил подвезти. Не взяли.

В Зорau находился больничный квартал: госпиталь, лаборатория, столовая, штаб. Персонал работал русский, и раненые лечились наши. Приказом № 173 от 3.04.1945 мне было присвоено звание «Старший лейтенант медицинской службы (на-

чальник зубоврачебного отделения)». В этом качестве я проработала до декабря 1945 года.

Началась демобилизация. Уходили эшелоны на Украину, на Москву. Приехала и я в родной Ярославль.

Погибли два маминых брата: сложил голову под Тулой Павел Николаевич Галочкин, где-то под Ленинградом лежит в безымянной братской могиле Константин Николаевич Галочкин. Погиб где-то под Можайском муж старшей сестры Вали – Григорий Константинович Киселкин. Под Орлом остался его двоюродный брат Александр Фёдорович Киселкин. Погиб на Урале лётчик, перегонявший американские самолёты, двоюродный брат Алексей Николаевич Фадеев. И так – в каждом доме маленького села Ильинское и других окрестных деревень... Интересный факт рас-

сказали нам жители села: в снежную зиму 1945–1946 годов в Ильинском, в том числе и у нашей бабушки Нади, проживали пленные немцы. Техники не хватало, они помогали расчищать дороги.

Мама искала работу. Устроилась в госпиталь военнопленных на станции Чёбаково под Тутаевом.

В нашем семейном архиве хранятся два письма начальника эвакогоспиталя К. Е. Мармур (из Миргорода от 20 мая 1946 года и 1 марта 1947-го). Бумага пожелтела, поблекли чернила. Он пишет: «...Своим письмом Вы всколыхнули то, что было так дорого от Рязани до Зорau. Очень рад, что Вы устроились на работу, да ещё вблизи от дома, имея возможность бывать в кино и пользоваться баней, чего не могли нам предоставить вожди облиздрава в Виннице. Страйтесь только

СВЕДЕНИЯ

О РАБОТЕ

работу, перемещениях по (с. указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
3 <u>рнб 5365-</u> стеч гостиницам зубного врача. в часы с ~~4~~ сопра- 6	4 чурк. в 129 от 7/1 461. 4. 128 от 6/1 481.

подыскивать более прочное место, так как работа в таком госпитале, видимо, носит временный характер.

...Поверьте, иногда жалею, что нет уже нашего 3013-го, нет Бурмистрова, Чернова, Петровича с трубкой и целого ряда хороших и плохих сотрудников. Нет самодеятельности, «утренних молитв» (Пятиминуток. – Е.Г.) и т.д. Тяжело было работать в Сапогово, в Проскурове! То время даже неприятно вспоминать. Лучше условия были в Стрельце, Зорая. Помню, хорошо помню, как Вы боялись бомбёжек в Проскурове, как Вы в щели лезли».

Константин Евгеньевич рассказывает о своей семье, кто ему пишет, кого он встречал из сотрудников, кто и где сейчас устроился на работу, кто поступил учиться.

«Несколько дней тому назад у меня был гость – лётчик Валя. Помните, в Проскурове у нас лежали два крепышка. В общем, Лёша – последний учащал к Вере Яковлевне Бергарт, а впоследствии погиб под Львовом. <...> Месяца два назад был в Одессе и случайно встретил Яругскую. Она заканчивает медицинский институт и в первых числах марта должна уехать в Бессарабию. В Виннице был месяца четыре назад. Видел Сперанского, он уже не такой страшный, как в Рязани и Курске...»

Эти письма помогают узнать путь госпиталя, который перемещался за фронтом.

Вернусь в Чёбаково: согласно записям в трудовой книжке, мама работала там с 8 мая 1946-го по 7 мая 1948 годы. Госпиталь размещался в здании школы. Читаю дальше строки воспоминаний мамы: «Руководил госпиталем майор Солдатов Николай Александрович. Он хромал. Жену его звали Нина

Выписки из трудовой.

Фото писем

Мемориал
в Чёбаково

1.3.47.

Привет, письм Татьяна
Николаевна!

Вот совсем не огорчай получателя
Ваше письмо. Да, и в самом
деле! Что теперь бывший
учакомик? Эпизод в воспоминаниях
был удачен! Спасибо, что
вспомнили. Своим письмом
Вы всколыхнули то, что
было так горого для Резан-
го Зорачу. Приводите Голь-
ко саусалено, что своей судь-
бы они не знали, своей судьбы
устраивать не могли.

Несколько дней тому назад я
меня был гость летчик Валдя
Полетаев в Траскурове у нас не-

Терентьевна. У них был сын Коля. Практиковали пленные врачи: хирург Штатгауэр, лаборант Зальцман, Вольф, венгр Вернер. Наши: Капустин из города Данилова, Колбановская. Мы изучали, в пределах лечебного общения, немецкий язык. Общаться с пленными не разрешали, но люди есть люди. Санитаром в зубном кабинете

работал молодой немец, совсем мальчишка. Один пленный узнал, что я работала в Зорая. Оказалось, что один из домов, занятых эвакогоспиталем в конце войны, принадлежал его семье». Мама любила немецкий язык, учила нас пословицам, напевала песни. Я с детства запомнила: «Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faule Leute!».

Сейчас в школе Чёбакова имеется музей. Учитель географии и информатики Александр Анатольевич Морозов прислал мне фотографию сотрудников госпиталя. По какой-то причине мама отсутствует. Имеется надпись, что в центре снимка – Н.А. Солдатов. Несомненно, что рядом с ним – его жена Нина Трофимовна и их сынок Коля.

Под руководством учителя А.А. Морозова ученица школы Алёна Каспирович написала доклад «Эхо минувшей войны» для участия в краеведческой конференции. В эту работу включены воспоминания местных жителей и сотрудников госпиталя.

Из рассказа Николая Павловича Соколова стало известно, что в первые годы войны в школе располагался советский госпиталь, где лечили наших раненых, а школа находилась рядом в двухэтажном здании, где сейчас находится детский сад. Зимой 1943 года привезли первых немцев, их почти не охраняли. Кроме русских врачей в госпитале был врач-немец. Мама говорила, что когда в 1948 году родились мои сёстры-близнецы, немецкий врач приходил их лечить. Одна из сестёр была очень плоха, и он сказал, что она не выживет. Его опасения подтвердились. Электрическое освещение в годы войны имелось только на станции и в госпитале. Начальником подстанции был немец военнопленный. Он был хорошим мастером: местные жители носили к нему ремонтировать часы и другие вещи. После окончания войны в 1952 году он уехал на родину в Германию.

Некоторые немцы хорошо понимали русский язык и говорили по-русски. Нам, ребятишкам, они делали за 2–3 кусочка хлеба деревянные игрушки.

Зоя Алексеевна Селянина, работавшая в госпитале с 1945 по 1948 годы сначала медсестрой, потом медсестристом и секретарём-манипулисткой запомнила, что военнопленные были разных национальностей: немцы, венгры, румыны – и все в основном с диагнозами «дистрофия третьей степени» и «туберкулёз». Один из военнопленных хорошо играл на пианино и пел, другой был художником. Одна его картина до сих пор хранится у родственников Зои Алексеевны.

Очень интересен рассказ Полины Дмитриевны Рассказовой. Эта пожилая женщина сохраняет здравый ум и, на удивление, свежую память. На войну она призывалась Угличским военкоматом, всю войну работала в различных госпиталях. А в феврале 1945 года её перевели в Чёбаково, в спецгоспиталь № 5365, медсестрой.

Первых, кого она принимала, были военнопленные из-под Кёнигсберга. Это было 21 мая 1945 года. Они были очень тяжёлые, многие не подлежали лечению и умирали. Работали медики круглосуточно, лекарств было много и всяких.

Военнопленные были очень тяжёлые, кормили их хорошо, сначала шесть раз в день, потом четыре, затем перешли на трёхразовое питание. У госпиталя было своё подсобное хозяйство на нескольких гектарах земли у деревни Аксёново. Там работали выздоравливающие во-

еннопленные, а в уборочную стаду – и все сотрудники госпиталя. Сажали много картофеля, выращивали капусту и другие овощи. Капусту квасили в больших чанах. Лошадей в то время практически не было, поэтому чтобы что-то привезти, немцы впрягались в телегу или сани по 8–10 человек. Время было голодное, но больным каждый день давали белый хлеб с маслом, обед и ужин были мясные. Кроме этого им давали рыбий жир и витамины. В госпитале было две кухни: для военнопленных готовили немецкие повара, для русского медперсонала – русские.

Начальник госпиталя майор медицинской службы Солдатов хорошо относился к военнопленным и всему персоналу наказывал строго-настого, чтобы относились к ним как к больным, а не как к врагам.

Хотя спецгоспиталь был окружён колючей проволокой и охранялся советскими солдатами, передвигаться по посёлку военнопленные могли свободно. Попыток побега не было. А немецким врачам и обслуживающему персоналу разрешалось ездить в Ярославль. Немецкие врачи помогали местным жителям: лечили детей, принимали роды.

Надежда Павловна Тарелкина (Беспалова), работавшая во время войны в госпитале санитаркой, вспоминает, что немцы были очень чистоплотны и аккуратны. Все работы по госпиталю распределяли между собой и выполняли их аккуратно и добросовестно. В госпитале был почтовый ящик, поэтому они писали письма на родину и получали ответы. На тумбочках у некоторых были фотографии родных.

Как вспоминает Зинаида Ивановна Кабанова, её дед даже подружился с одним из немецких офицеров, который знал толк в целебных травах. Мать Зинаиды Ивановны готовила обеды и кормила пленных. После войны и русские, и немцы мирно обсуждали житейские вопросы.

В 1948 году между СССР и Германией произошёл обмен военнопленными, госпиталь расформировали.

А дома у нас хранится фотография с надписью: «Во время работы в спецгоспитале. Сентябрь 1947 г. Т. Галочкина». На снимке мама в шапочке и халате, в кресле сидит военнопленный.

Мама часто вспоминала Зою Быкову из Грязовца, которая передвойной оказалась в Бресте, – какова её судьба? На сайте ОБД Мемориала нашла, что Быкова Зоя Максимовна, 1920 г.р., б/п, зубной врач, пропала без вести в 1941 году. Отец её проживал в Вологодской области, Марковский с/с, д. Легково... •

